

Неизданныя письма Н. И. Пирогова ¹⁾).

(Къ исторіи высшаго образованія и русско-польскихъ отношеній).

Милостивый Государь
Александръ Васильевичъ.

Честь имѣю представить Вамъ мой отчетъ о томъ, что я видѣлъ и что совѣтовалъ во время пребыванія моего въ Снеціи. Извините, что онъ написанъ нечетко и съ помарками; я спѣшилъ доставить Вамъ, по Вашему желанію, какъ можно скорѣе результаты моей поѣздки.

Я возвратился черезъ 9 дней; по причинѣ перемѣны поѣздовъ на Швейцарскихъ желѣзныхъ дорогахъ я не успѣлъ прибыть къ консультаціи Итальянскихъ врачей и засталъ на дорогѣ д-ра Петриджа, съ которымъ вмѣстѣ и прибылъ къ Гарибальди. Впрочемъ, я и радъ, что не попалъ на общую консультацію; я бы никакъ не рѣшился одобрить изслѣдованіе раны пальцемъ, ни къ чему не ведущее, по моему убѣжденію, и даже вредное для больного; а мое несогласіе могло бы и не понравиться консультантамъ.

Одинъ, или съ д-ромъ Петриджемъ, человѣкомъ весьма добросовѣстнымъ и пріятнымъ, я могъ дѣйствовать совершенно независимо и выразить мое мнѣніе вполне откровенно, что я и сдѣлалъ, какъ Вы усмотрите изъ прилагаемой записки. Я ее составилъ такъ, чтобы она сколько можно была понятна не для однихъ только врачей, но и для всей образованной публики; Вы можете изъ нея сдѣлать употребленіе, какое сами благоразсудите.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ февраль 1907 года.

Я теперь снова принимаюсь за разборъ доставленныхъ мнѣ матеріаловъ по проекту преобразованія нашихъ учебныхъ заведеній; буду работать прилежно и надѣюсь доставить Вамъ къ концу этого года соображенія по этому предмету съ полною откровенностію и такъ, какъ я самъ понимаю это дѣло.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію честь имѣю быть Вашего Превосходительства покорнѣйшимъ слугою

Н. Пироговъ.

1862. 5 ноября, н. с. Гейдельбергъ.

На подлинномъ этого письма сдѣлана помѣтка рукою министра. „Доложено Его Величеству, ст. секр. Головинъ. 5 ноября 1862 г. Къ письму подшитъ оттискъ отчета Пирогова о ранѣ Гарибальди, о которомъ знаменитый хирургъ пишетъ выше и который Головинъ опубликовалъ въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ № 239 отъ 2 ноября 1862 г.

Письмо Пирогова о ранѣ Гарибальди помѣчено тѣмъ же 5 ноября новаго стиля. Какъ видно изъ сопоставленія помѣтокъ и датъ, министръ представилъ все это дѣло Государю уже послѣ опубликованія отчета Пирогова въ газетѣ.

Изъ этого чрезвычайно интереснаго отчета приведу здѣсь наиболѣе существенныя, историческаго и политическаго характера, извлеченія (полностью онъ перепечатанъ мною въ газетѣ „Русскій Врачъ“ за 1916 годъ, № 10, въ статьѣ „Пироговъ и Гарибальди“), предварительно же ознакомило читателей съ очень цѣннымъ свидѣтельствомъ современника и спутника Пирогова въ поѣздкѣ къ Гарибальди — письмомъ Л. Н. Модзалевскаго къ Мих. Ив. Семевскому (напечатано въ числѣ другихъ въ изданной редакціей „Русской Старины“ книгѣ „Мих. Ив. Семевскій. Его жизнь и дѣятельность“. Спб. 1895). Письмо это, отъ 22 ноября 1862 года изъ Гейдельберга, поясняетъ многое и въ предшествующемъ письмѣ Пирогова къ Головину, и въ отчетѣ его о ранѣ Гарибальди.

„Что вамъ сказать изъ нашихъ новостей, не европейскихъ, но гейдельбергскихъ?—писалъ Л. П. Модзалевскій М. И. Семевскому.—Развѣ о поѣздкѣ Н. И. Пирогова къ Гарибальди? Дѣло вотъ какъ было. Газетныя извѣстія очень напугали здѣшнихъ русскихъ, и родилась мысль: во 1-хъ, просить Пирогова съѣздить, и, во 2-хъ, предложить ему средства для поѣздки. Въ здѣшней русской читальнѣ собралась „чрезвычайная сходка“, человекъ

изъ 60-ти. Неклюдова (можетъ вы его знали) и меня выбрали миромъ, чтобы уговорить Пирогова и уладить все дѣло.

Пироговъ отвѣчалъ, что онъ бы и радъ ѣхать, да не знаетъ, примутъ ли его. Мы телеграфировали къ д-ру Прандинъ и Менотти. Отвѣтъ былъ очень благопріятный. Въ одинъ вечеръ собралось до 1000 франковъ, но Пироговъ отказался (отъ денегъ. С. Ш.) и просилъ кого-нибудь изъ русскихъ, знающихъ итальянскій языкъ, ѣхать съ нимъ на эти деньги въ Спецію, куда и прибыли на четвертый день (30 октября) и два раза были у Гарибальди.

Пироговъ вмѣстѣ съ Петриджемъ осмотрѣвъ его рану, нашель пулю, которую прежде не подозрѣвали, перевелъ больного изъ тѣсной и душной комнаты въ другую и даже совѣтовалъ ему совершенно оставить Спецію, что тотъ недавно и сдѣлалъ. Пироговъ явно помогъ генералу, недавно получилъ отъ него письмо и карточку.

Всѣ русскіе были въ восторгѣ отъ рѣшимости Пирогова, такъ какъ къ этому примѣшивалось кое-что политическое. Министръ нашъ, получивъ письмо Пирогова, побѣждалъ къ Государю съ докладомъ, но Государь ствѣчалъ, что „онъ въ этомъ ничего худого не видитъ“. И тутъ удача! *Л. Модзалевскій*“.

Взятыя Л. Н. Модзалевскимъ въ кавычки слова объ отношеніи Государя къ поѣздкѣ Пирогова, повидимому, извлечены изъ письма Головнина или кого-либо другого къ знаменитому хирургу.

Самъ онъ писалъ въ упомянутомъ отчетѣ: „Рана Гарибальди подтверждаетъ еще разъ ту извѣстную уже истину, что на свѣтѣ нѣтъ ни одного дѣла, какъ бы оно просто и ясно ни было, въ которомъ бы нельзя было найти все-таки причины къ сомнѣнію, недоумѣнію и возраженію. 31 октября я увидалъ эту знаменитую рану; За 2 дня предо мною осматривалъ ее Нелатонъ, за день была консультація 17 итальянскихъ врачей...

Войдя въ первый разъ въ комнату, гдѣ сидитъ Гарибальди на своей англійской постели, трудно подумать, что видишь предъ собою тяжело-раненаго человѣка. Ненужно и пульса щупать. Посмотрѣвъ только на больного, можно уже сказать, что у него нѣтъ ни горячки, ни жару, что онъ внутренно здоровъ, и сердцемъ, и душою. Взглядъ свѣтелъ, рука пріятно тепла. Но не такъ пріятно поражаетъ врача контрастъ хорошо сохранившагося бюста съ болѣзненной худобою конечностей. Подъ теплыми одѣялами лежатъ исхудалыя ноги...

Этотъ контрастъ не такъ страшенъ, какъ кажется, тѣмъ не менѣе онъ указываетъ врачу, на что онъ долженъ обратить вниманіе при леченіи такихъ больныхъ. Для нихъ свѣжій воздухъ и движеніе тѣла, хотя-бы пассивное, составляетъ условія жизни и успѣха въ лѣченіи, особливо когда дѣло идетъ о наружномъ поврежденіи...

Изложивъ подробно и обстоятельно свои соображенія о степени пораненія знаменитаго итальянскаго героя и о способахъ лѣченія его, гениальный русскій хирургъ далѣе пишетъ: „Мой совѣтъ, данный Гарибальди, былъ: спокойно выждать, не раздражать много раны введеніемъ постороннихъ тѣлъ, какъ бы ихъ механизмъ ни былъ искусно придуманъ, а главное зорко наблюдать за свойствомъ раны и окружающихъ ея частей. Покуда общее состояніе больного отлично, ждать можно, и даже переждать еще не бѣда....

Въ заключеніе скажу, что я считаю рану Гарибальди не опасной для жизни, но весьма значительною, продолжительною и не совсѣмъ безопасною касательно сохраненія члена. Но покуда эта опасность не угрожаетъ еще, удастся ли ея и совсѣмъ избѣжать—это зависитъ отъ того, будетъ ли извлеченіе пули сдѣлано во-время, и какъ будетъ послѣ того направлено лѣченіе.

Правда, уже и теперь слышались голоса о необходимости отнятія члена; но эти грозныя мысли произошли, мнѣ кажется, не столько отъ серьезныхъ научныхъ убѣжденій, сколько отъ закулисныхъ или, лучше, запостельныхъ обстоятельствъ.

И больной Гарибальди, точно также, какъ и здоровый, не перестаетъ быть предметомъ дѣйствій различныхъ партій. Что же мудренаго, если и раненая его нога служитъ предметомъ національныхъ увлеченій, надеждъ и опасеній.

Покуда всѣ почитатели его могутъ быть спокойны: ни жизнь, ни нога его не находятся въ опасности. Но не нужно предаваться и излишнему оптимизму...

Я предложилъ Гарибальди еще 2 вещи: во 1-хъ, свѣжій воздухъ и, во 2-хъ, перемѣну климата на зиму. Для человѣка, привыкшаго къ дѣятельной, военной жизни, ничто не можетъ быть вреднѣе, какъ долгое пребываніе въ закрытой комнатѣ...

Климатъ Спеціи зимою нехорошъ для страдающихъ ревматизмомъ; въ Спеціи, хотя и тепло, но сыро; почва ея мягкая и впитывающая въ себя влагу... Когда я объ этомъ сказалъ Гарибальди, то первое его слово было: „Неаполь“.

Н. Пироговъ.

Упомянутый здѣсь Ш. К. Зарубинъ былъ впоследствии извѣстнымъ профессоромъ хирургіи въ Харьковѣ. Головининъ предписалъ выслать деньги кандидатамъ немедленно. О жизни русской студенческой заграничной колоніи въ связи съ русско-польскими отношеніями Пироговъ говоритъ еще въ другихъ печатаемыхъ ниже письмахъ. Своей статьи объ университетскомъ вопросѣ Н. И. касается болѣе подробно въ письмѣ къ А. В. Головинну отъ 11 декабря по старому стилю (изъ дѣла № 116861), которое печатается ниже. Оно особенно интересно высказанными въ немъ мыслями о значеніи взаимнаго ознакомленія русскихъ профессорскихъ кандидатовъ для развитія университетской науки и о роли кандидатовъ зрѣлаго возраста въ смыслѣ вліянія на своихъ молодыхъ товарищей.

Милостивый Государь,
Александръ Васильевичъ.

Честь имѣю представить Вамъ мою статью „Университетскій вопросъ“. Прошу извинить меня, что я по недостатку переписчиковъ и времени, высылаю мою рукопись съ поправками. Я знаю, что на новый уставъ моя статья не окажетъ никакого вліянія, но моя цѣль была распространить въ обществѣ болѣе здравыя понятія о значеніи университета, и потому мнѣ желательно сдѣлать гласными мои взгляды. Со стороны цензуры, кажется, это не можетъ встрѣтить препятствій; если они въ чемъ и противорѣчатъ новому уставу, то это только покажетъ ихъ недостатки и практическую невозможность осуществить ихъ на дѣлѣ.

Если же, сверхъ моего ожиданія, препятствіе встрѣтится, то я прошу Васъ покорнѣйше мнѣ дать знать, что именно не могло быть пропущено цензурою.

Про отправленныхъ отъ Министерства и университетовъ за границу, и въ особенности про живущихъ здѣсь въ Гейдельбергѣ, я не могу ничего сказать, кромѣ хорошаго. Изъ 56 им-матрикулированныхъ въ Гейдельбергскомъ университетѣ русскихъ, большую часть которыхъ я знаю только по слухамъ, только 2 или 3 сблизились съ здѣшними студентами. Всѣ прочіе смотрятъ на средневѣковую жизнь ихъ корпорацій почти съ презрѣніемъ; профессора, съ которыми я говорилъ, всѣ отзываются съ похвалою о русскихъ слушателяхъ.

Дѣйствительно, нѣкоторыя лекціи посѣщаются почти исключительно одними русскими, а изъ нѣсколькихъ студентовъ, записанныхъ въ корпораціи, почти никто не посѣщаетъ никакихъ лекцій. Но единодушія между нашими русскими и здѣсь нѣтъ; ни взгляды, ни направленія ихъ, кажется, не сходятся вовсе, и даже изъ посланныхъ за границу отъ правительства нѣкоторые вовсе не знаютъ другъ друга, и сходятся иногда только у меня. Мнѣ кажется это однимъ изъ недостатковъ, если будущіе профессора не будутъ знать другъ друга. Только нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ сношенія съ другими русскими студентами, штудирующими на свой щетъ, и сколько я замѣчаю, эти сношенія оказываютъ благотворное вліяніе: посланные отъ правительства люди болѣе зрѣлые, своимъ нравственнымъ вліяніемъ, противодействуютъ проявленію крайностей между разнохарактерною молодежью, находящеюся здѣсь, изъ числа которой многіе недовольные, то есть пріѣхавшіе за границу вслѣдствіе закрытія университетовъ и безпорядковъ.

Черезъ этихъ же, порученныхъ мнѣ, я стараюсь, сколько могу дѣйствовать убѣждая и успокоивая и на остальныхъ. На будущій годъ, всѣ русскіе по подпискѣ собрали деньги, для выписки изъ С.-Петербурга и Москвы русскихъ журналовъ и газетъ. А недавно десять человекъ, — всѣ почти посланные отъ правительства, согласились еженедѣльно читать, каждый по своему предмету; многіе и другіе желали бы принять участіе въ этихъ чтеніяхъ; но такъ какъ они объявили, что не могутъ представлять такъ часто статей научнаго содержанія, то я не были включены въ число участниковъ.

Я нисколько не противодействовалъ составленію этого кружка, во-первыхъ потому что я стараюсь какъ можно болѣе усилить нравственное вліяніе зрѣлыхъ людей на не зрѣлыхъ и способствовать ихъ сближенію; а во-вторыхъ я считаю гораздо надежнѣе способствовать ему путемъ открытымъ, чтобы предотвратить другой, закрытый и вредный.

Съ поляками, сколько я замѣчаю, русскіе не находятся въ тѣсныхъ сношеніяхъ, и тѣ, которыхъ я знаю лично или по наслышкѣ, нераздѣляютъ польскихъ понятій и тенденцій. На панихидѣ, которую поляки справляли въ еврейской синагогѣ (въ католической церкви имъ не позволили), русскихъ, какъ я слышалъ, никого не было.

Я уже имѣлъ честь увѣдомить Васъ о стѣсненномъ положеніи нѣкоторыхъ русскихъ, которые уже цѣлый мѣсяць бѣдствуютъ и занимаютъ деньги: они уже нѣсколько разъ просили меня

принять участіе въ ихъ судьбѣ.—Касательно меня, я также обращаюсь къ Вамъ съ покорнѣйшею просьбою приказать выслать мнѣ пенсію и жалованье за 3 мѣсяца, считая съ 1-го октября; а по 1-го октября я получилъ переведенное письмо Государственнаго Банка въ 2023 банк. марк. 3 тал.

Если Вамъ еще угодно, чтобы я послѣ Новаго Года отправился въ другіе университеты; то прошу Васъ выслать мнѣ до 400 талеровъ на поѣздку, потому что изъ моего содержанія я для этой цѣли не могу удѣлить болѣе 100 гульденовъ; мой приходъ превышаетъ только 200 гульд. мои расходы.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію честь имѣю быть Вашего Превосходительства покорнѣйшимъ слугою

Н. Пироговъ.

Гейдельбергъ. 1862 г. Декабря 23 н. с.

На подлинникѣ письма А. В. Головинъ сдѣлалъ рядъ помѣтокъ—возлѣ сообщеній Н. И. о польско-русскихъ студентахъ, о похвальномъ поведеніи однихъ, о вліяніи другихъ, о выѣхавшихъ изъ Россіи студентахъ,—предложивъ канцеляріи „выписать отмѣченныя мѣста для Государя“. Предписалъ онъ также удовлетворить всѣ другія просьбы Пирогова.

Что касается статьи Н. И. объ университетскомъ вопросѣ, то министръ приказалъ отпечатать ее, какъ и всѣ другіе матеріалы по университетской реформѣ, отдѣльной книгой: „Дополненіе къ замѣчаніямъ на проектъ общаго устава императорскихъ российскихъ университетовъ. Университетскій вопросъ Н. И. Пирогова. Санктпетербургъ. 1863. Въ типографіи Юсафата Огрызко. Напечатано по распоряженію министерства народнаго просвѣщенія. Стр. 85, in 8^о“. Въ концѣ статьи имѣется дата окончанія ея: 22-го декабря н. с. 1862 года, т.-е. днемъ раньше отсылки статьи при вышеприведенномъ письмѣ. Статья эта разсылалась вмѣстѣ съ другими матеріалами во всѣ университеты, отдѣльнымъ профессорамъ и другимъ лицамъ, но въ продажу не поступала (объ этомъ Н. И. сообщилъ І. В. Бертенсону въ письмѣ отъ 30 декабря 1880 г.).

Въ офиціозной статьѣ „По поводу новаго университетскаго устава“, напечатанной по распоряженію А. В. Головнина и приложенной въ видѣ объяснительной записки къ отдѣльному изданію этого устава (Спб. 1863), имѣется очень интересный отзывъ министерства о статьѣ Н. И. Пирогова, посланной при выше-

приведенномъ письмѣ. Отзывъ этотъ весьма уместенъ въ очеркѣ о взаимоотношеніяхъ знаменитаго педагога и министерства народнаго просвѣщенія.

„Изъ всѣхъ высказанныхъ по поводу проекта (университетскаго устава) мнѣній, какъ русскими, такъ и иностранными педагогами,—сказано въ упомянутой статьѣ,—наибольшею цѣнностью и полнотою и, вмѣстѣ съ тѣмъ, наибольшею глубиною и гуманностью взгляда отличается мнѣніе члена главнаго правленія училищъ Николая Ивановича Пирогова. Едва-ли между педагогами найдется лицо, которое было бы болѣе компетентно въ вопросѣ университетской реформы, чѣмъ нашъ знаменитый авторъ „Вопросовъ жизни“, которое бы лучше его знало какъ достоинства, такъ и недостатки нашихъ университетовъ и въ научномъ и въ административномъ отношеніи. Поэтому мнѣніе Н. И. Пирогова, несмотря на нѣкоторую идеальность его взгляда, въ которой онъ самъ отчасти сознается, заслуживаетъ особеннаго вниманія и изученія“... Далѣе приводятся обширныя выдержки изъ этой идеальной статьи Н. И. Пирогова (перепечатана въ Собраніи сочиненій, т. I, изд. 1914 г.).

Сообщилъ С. Я. Штрайхъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).